

**DOM USOPSHIKH:
POEMA**

Published @ 2017 Trieste Publishing Pty Ltd

ISBN 9780649269716

Dom usopshikh: poema by Ivan Lukash

Except for use in any review, the reproduction or utilisation of this work in whole or in part in any form by any electronic, mechanical or other means, now known or hereafter invented, including xerography, photocopying and recording, or in any information storage or retrieval system, is forbidden without the permission of the publisher, Trieste Publishing Pty Ltd, PO Box 1576 Collingwood, Victoria 3066 Australia.

All rights reserved.

Edited by Trieste Publishing Pty Ltd.
Cover @ 2017

This book is sold subject to the condition that it shall not, by way of trade or otherwise, be lent, re-sold, hired out, or otherwise circulated without the publisher's prior consent in any form or binding or cover other than that in which it is published and without a similar condition including this condition being imposed on the subsequent purchaser.

www.triestepublishing.com

IVAN LUKASH

**DOM USOPSHIKH:
POEMA**

ИВАНЪ ЛУКАШЪ

ДОМЪ УСОПШИХЪ

ПОЭМА

К-во „МЪДНЫЙ ВСАДНИКЪ“
БЕРЛИНЪ

Отпечатано въ типо-
графіи Зинабуретъ и Ко.
въ январѣ тысяча де-
вятъсотъ двадцать тре-
тьяго года въ Берлинѣ.
Обложка работы М. А.
Урвицова. Марка из-
дательства работы Н. В.
Зартцкаго. Всѣ права
сохранены за авторомъ.

ИВАНЪ ЛУКАШЪ

ДОМЪ УСОПШИХЪ

Виноградная кожура мокла въ песокъ и скользила подъ подошвами.

Весь морской берегъ, по широкой песочной дорогѣ пляжа, былъ засоренъ мокрой виноградной кожурой, желтыми пакетиками отъ фруктовъ, бумажными обложками отъ шоколадныхъ плитокъ — всегда глянцевыми и пестрыми, съ обрывками измятаго олова, похожаго на тонкіе листики свѣтлаго серебра.

Въ вѣтреные дни кожура, обрывки и цвѣтныя бумажки мелась по сѣрымъ булыжникамъ улицъ и лѣниво кружили въ золотисто-солнечномъ туманѣ пыли.

Въ вѣтреные дни, море блистало налицей металлической рябью, и былъ этотъ блескъ и томящъ, и тревоженъ. Но только у самаго берега вылазала металлическая полоса, а дальше въ морѣ, тамъ, гдѣ чернѣли въ воздушной синевѣ тонкіе сторожевые шесты береговыхъ форватеровъ, — двигались пустыни водъ, изборозженныя бѣлыми флажками пѣны, въ маслянистыхъ, зеленовато-синихъ тропяхъ, — гулкія и холодныя. Сиреневыми туманами всегда былъ подернутъ край моря, и облака свисали изъ тумана, какъ дымныя сиреневыя горы. Море топило городъ въ своемъ ровномъ и гулкомъ топотѣ...

Въ вѣтренные дни на усеянномъ виноградной кожурой пляжѣ, въ золотистомъ туманѣ пыли, рабили скучной и раздражающей рябью однообразные костюмы купальщиковъ: черные въ бѣлую полоску, красные въ синюю, розовые въ желтую. Поднятый вѣтромъ сухой и колкій песокъ хрустѣлъ на зубахъ и покалывалъ купальщикамъ щеки и вѣки...

Въ вѣтренные дни, бѣлые и жадные до солнца улицы трепетали пупцовыми шарами зонтовъ, полотномъ бѣлыхъ костюмовъ, соломенными шляпами, голенастыми дѣвочками съ буклями, красными и желтыми багдахирами легкихъ татарскихъ таратаекъ, румяными проводниками, у которыхъ бархатные жилеты расшиты золотымъ позументомъ, а широкіе рукава вишневыхъ рубахахъ полощутся на солнцѣ.

Въ сафѣ, что стеклянной верандой выдвинуто въ море, тянули черезъ соломнику гренадий, а длинные, запотѣлые отъ холода стаканы легко толкались и звенѣли отъ вѣтра. И чуть приподымалъ вѣтеръ прозрачныя, пронизанныя солнцемъ, поля бѣлыхъ женскихъ шляпъ...

По утрамъ, когда на пляжъ еще не приходили купальщики, — вода дремала у влажнаго и пустыннаго берега, — въ розоватомъ пару, — глубочайшая, прозрачная до самаго дна, звонко-холодная и зеленоватая. По утрамъ, загорѣлые рыбаки, высоко засучивъ штаны на мѣдныхъ ногахъ, молча и сумрачно вдвигали въ море свои просмоленные, черные баркасы. Влажный песокъ шуршалъ подъ острымъ лезвіемъ кнля и рѣзалъ лезвіе песокъ четкой и сильной чертой. Когда рыбацьи баркасы уходили въ море, черную полосу на пескѣ медленно заполняла прозрачная вода, а потомъ стаптывали черту, отпечатками своихъ раскарякъ, босыя ступни купальщиковъ.

Къ вечеру, влажная синяя роса дрожала надъ пустыннымъ морскимъ берегомъ, а въ городѣ воздухъ свѣжѣлъ и легчалъ. Къ вечеру, сквозь запахъ духовъ и папироснаго дыма, пахло въ городѣ кипарисами, туей, нѣжными олеандрами, и сладковатой магноліей.

Влажный вечеръ дышалъ пряно и горячо. Его густое дыханіе плавало горьковатыми волнами, стелилось, обволакивало — и бѣлыя дачи съ легкими балкончиками, и чуть сырыя отъ росы нѣжныя платья женщинъ, и круглыя порціи мороженаго въ сабѣ и то, какъ трепещутъ разноцвѣтные бумажные фонарики ресторана за темной толпой деревьевъ. Къ вечеру—все припахивало и дышало, — горькимъ, сырымъ и прянымъ запахомъ ладана и кладбищъ, потому что ладаномъ и надгробіями древнихъ могилъ дышитъ и туя, и розовато-красныя олеандры, и мясистая нѣжно-желтая магнолія, и кипарисы.

На вечерней зарѣ, межъ треугольныхъ вершинъ кипарисовъ, медленно двигались тяжкія облака. Заря опаляла вершины багровымъ, стынущимъ пламенемъ, и были похожи заревыя облака на громадные, горящія щиты и на мѣдныя латы, а кипарисы — на толпы черныхъ монаховъ, плотно закутанныхъ въ строгія одежды свои...

Теперь нѣтъ въ городѣ ни пунцовыхъ зонтовъ, ни тряскихъ таратаекъ съ веселыми воланчиками бахромы. Въ золотистой пыли не мететь теперь пестрыхъ бумажекъ отъ шоколадныхъ плитокъ. Мѣдный оркестръ не бухаетъ.

Городъ вымеръ допуста. Въ бѣлыхъ улицахъ — утомленное молчаніе и тишина безлюдья. Сѣрый бульжникъ накаленъ. Солнце лижетъ сѣрый бульжникъ отъ утра до вечера, отъ вечера до утра. Лижетъ солнце сѣрый бульжникъ ослѣпительными языками.